

Н.А. Ефимова

nefimov@mail.ru

д-р филол. наук, доцент

Государственного университета Флориды

Таллахасси, США

Русская литература в американской аудитории

(на примере повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната»)

Сегодня в программу большинства американских университетов включаются произведения русских классиков. В Государственном университете Флориды русская литература изучается на курсах для русистов, получающих степень бакалавра, в рамках магистерской программы по русскому языку и литературе и как основной предмет докторантов, занимающихся сравнительным литературоведением на гуманитарном факультете.

Обычно в США курсы по русской литературе и культуре пользуются большой популярностью, однако привлечение студентов на русскую программу все еще остается одной из основных задач преподавателей. Мой вводный курс по русской литературе XIX–XX вв. в английском переводе рассчитан на широкий контингент студентов, так как американское высшее образование включает ряд общеобразовательных курсов, не относящихся к непосредственной специализации учащихся. Например, студенты-экономисты должны посещать лекции по английской или иностранной литературе, а филологи обязаны 1 или 2 семестра заниматься физикой, химией и математикой. При этом даже для будущих русистов не предусматривается четкая последовательность в изучении русской литературы. Пользуясь возможностью выбора, американские студенты могут записаться на курс или се-

минар по современной русской литературе, не изучая предварительно курс по русской литературе XIX в. Более того, в одной группе часто оказываются филологи и историки или экономисты. Следует учесть, что 90% студентов не изучали историю мировой литературы, тем более теорию литературы. Таким образом, преподаватель лишается возможности вести традиционный курс по истории русской литературы, основанный на анализе влияния не только западных идей на развитие русского романа, но и преемственности литературных традиций, а также взаимного воздействия русских классиков. Даже изучение определенной темы в творчестве одного писателя (например, темы смысла жизни у Л.Н. Толстого или борьбы добра и зла в душе человека у Ф.М. Достоевского) осложняется тем, что студенты не знают произведений автора, не включенных в список текстов данного семинара.

Кроме того, при платном образовании принято учитывать количество записавшихся на курс студентов, и популярность педагога оказывается одним из важнейших факторов в оценке его работы. В начале семестра преподаватель обязан предоставить студентам план всего курса, в котором должны быть четко указаны изучаемые произведения, количество письменных работ и устных докладов студентов, а также принцип подсчета окончательного балла. Напри-

мер, участие в дискуссиях и выступления на семинаре могут составлять 30% окончательного балла, письменная работа в середине семестра – 20%, курсовая работа – 50%. Пропуски занятий, опоздания, задержка работ также учитываются. В конце каждого семестра студенты в обязательном порядке отвечают на вопросы анкеты, составленной для оценки как курса в целом, так и личных качеств учителя. В условиях современной системы образования преподаватели американских вузов стоят перед проблемой, как завоевать сердца и умы студентов, не поступаясь при этом профессиональной этикой. В век, когда телевидение вытесняет любовь к чтению, в работе преподавателей литературы требуется применять творческий подход и совмещать различные методы.

Само собой разумеется, что удачный подбор изучаемых произведений, их тематическая связь и художественная ценность наполовину обеспечивают успех курса. В этом смысле русская литература, как классическая, так и современная, оказывается богатейшим источником просвещения. Однако современные американские студенты, привыкшие к быстрому и часто поверхностному чтению, без руководства преподавателя не способны полностью оценить глубину философской мысли писателя и художественную ценность произведения.

На примере своей работы с «Крейцеровой сонатой» Л.Н. Толстого на вводном курсе по русской литературе в английском переводе для студентов III года обучения я бы хотела показать некоторые методы и приемы работы с текстом, направленные на достижение более глубокого понимания не только философских идей писателя, но и их актуальности. На занятии я стараюсь связать взгляды Толстого на брак и любовь с современностью, надеясь, что затронутые вопросы заставят студентов задуматься над духовным наследием Толстого и повлияют на развитие их критического мышления.

Для ознакомления студентов с творчеством Л.Н. Толстого я выбрала его повести «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей», «Дьявол» и «Крейцера соната», так как в них отражены мысли писателя о Боге,

смысле жизни, заблуждениях человека и лицемерии русского общества того времени. Делая обзор биографии и творчества русского классика, я подробно рассказываю о его идее непротivления злу насилием, отношении к религии и критике понятий о чести русского дворянина и зачитываю отрывки из «Исповеди». Также я объясняю основные идеи толстовства и его влияние на умы современников.

Перед тем как перейти к анализу «Крейцеровой сонаты», я прошу студентов дать определение любви. Вопрос чисто провокационный и предназначен не столько для прояснения понятия, сколько для привлечения внимания к повести и оживления аудитории. После высказываний студентов, я возвращаюсь к тексту и цитирую ответ дамы в поезде на вопрос Позднышева, что такое истинная любовь: «Любовь есть исключительное предпочтение одного или одной перед всеми остальными» [1: 139], – и спрашиваю, согласны ли они с ее ответом. В основном все соглашаются с дамой. И тут же я читаю саркастическую реплику Позднышева: «Предпочтение на сколько времени? На месяц? На два дня? На полчаса» [1: 139]. Надо сказать, что на это студенты ответа не дают. Тогда я немного меняю постановку вопроса и прошу описать чувства влюбленного человека и возможность их передачи через музыку.

Затем я цитирую известное высказывание Позднышева, словами которого Л.Н. Толстой выражает свой взгляд на музыку: «Они играли Крейцерову сонату Бетховена. Знаете ли вы первое престо? Знаете?! – вскрикнул он. – У!.. Страшная вещь эта соната. Именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка. Что такое музыка? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? <...> Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение: мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу. Я объясняю это тем, что музыка действует, как зевота, как смех: мне спать не хочется,

но я зеваю, глядя на зевающего, смеяться не о чем, но я смеюсь, слыша смеющегося.

Она, музыка, сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душой и вместе с ним переносюсь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю. Ведь тот, кто писал хоть бы Крейцерову сонату, – Бетховен, ведь он знал, почему он находился в таком состоянии, – это состояние привело его к известным поступкам, и потому для него это состояние имело смысл, для меня же никакого» [1: 192–193]. Я обращаю внимание студентов на то, что начальные строки последнего параграфа широко цитируются в работах зарубежных музыковедов о «Крейцеровой сонате» как подтверждение силы влияния композитора на слушателей, хотя взгляд Толстого на музыку ими не обсуждается.

Я рассказываю об истории создания и названия сонаты Бетховена и поясняю, что воспринимаю это музыкальное произведение как олицетворение любви между мужчиной и женщиной. В адажио и престо тема любви выражается во взаимоотношении двух голосов – скрипки и фортепьяно. Так как в музыкальном фрагменте, на который ссылается Толстой, скрипка лидирует, я сравниваю ее с инициативой влюбленного, его первыми тонкими намеками, попытками привлечь внимание и заинтересовать собой возлюбленную, которая, замороженная его чувством, отвечает взаимностью. Финал престо, в котором голоса скрипки и фортепьяно сливаются в одну мощную мелодию, я понимаю как кульминацию страстной любви, приводящей к высшему душевному подъему и взлету. В подтверждение своей интерпретации сонаты я даю студентам прослушать адажио и престо в исполнении Давида Ойстраха и Льва Оборина, обращая внимание на полнейшее взаимопонимание исполнителей, чтобы студенты в какой-то мере смогли понять ревность Позднышева. Потом я ссылаюсь на статью Л.Н. Толстого «Что такое искусство» и бегло излагаю его точку зрения на живопись, показывая слайды некоторых художников, упоминаемых писателем.

Возвращаясь к повести, я обращаю внимание студентов на то, что до и после появления «Послесловия» она была воспринята современниками Толстого (причем, иногда одними и теми же людьми) по-разному. Например, А.П. Чехов, прочитав повесть «в черном», по его выражению, виде (т.е. в тех 300 литографических экземплярах, которые оттиснуло издательство «Посредник» и которые ходили по рукам), хотя и критиковал неосведомленность Толстого о лечении сифилиса и «отвращении женщины к совокуплению», но в целом высоко отзывался о ее художественных качествах. 15 февраля 1890 г. в письме к А.Н. Плещееву он писал: «Неужели Вам не понравилась «Крейцера соната»? Я не скажу, чтобы это была вещь гениальная, вечная – тут я не судья, но, по моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоте исполнения. Не говоря уж о художественных достоинствах, которые местами поразительны, спасибо повести за одно то, что она до крайности возбуждает мысль. Читая ее, едва удерживаешься, чтобы не крикнуть: «Это правда!» или «Это нелепо!» [2: 18]. Почти через полтора месяца в письме к И.Л. Леонтьеву он пишет, что «Крейцера соната» «...дает в руки тот ободряющий камертон правды и смотра в корень вещей, без коих художник рискует сделаться ненужным и даже вредным...» [2: 401]. Однако прочитав «Послесловие», Чехов резко изменил свое мнение о произведении. В письме к А.С. Суворину от 17 декабря 1890 г. он написал: «...«Крейцера соната»... была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой» [2: 147]. Еще острее его отзыв в письме к Суворину от 8 сентября 1891 г.: «Я третьего дня читал его «Послесловие». Убейте меня, но это глупее и душнее, чем «Письма к губернаторше», которые я презираю. Черт бы побрал философию великих мира сего! <...> Она вся, со всеми юридическими послесловиями и письмами к губернаторше, не стоит одной кобылки из «Холстомера» [2: 270]. Сам А.С. Суворин в 1891 г. закончил свою статью о Толстом и «Послесловии к Крейце-

ровой сонате» следующим заявлением: «И я знаю многих, которые, прочитав «Послесловие», вдруг охладели к «Крейцеровой сонате»: на ее поучения, на ее мораль как будто надета была этим «Послесловием» какая-то рубашка из прописей, и от самой повести повеяло холодом...» [2: 447].

Я обращаюсь к студентам с вопросом, почему же так называемый «самиздатный» вариант повести был принят современниками Толстого с восторгом, а после ее появления в 1891 г. в полном собрании сочинений писателя, когда С.А. Толстая добилась разрешения на ее издание вместе с «Послесловием», мнение читателей резко изменилось? Я сразу даю свой ответ. Я считаю, что в данном случае форма и жанр повести влияют на ее понимание. Дальнейший разбор произведения сводится к подтверждению этого мнения.

Рассказ Позднышева, играющий ключевую роль в повести, считается классическим примером жанра светской исповеди. Здесь я ввожу в свой урок элементы теории литературы и даю современное определение исповедального жанра, данное американскими литературоведами. Исповедь существенно отличается от близких к ней жанров (мемуаров, биографий, дневников и писем), прежде всего тем, что в ней герой, обращаясь к исповеднику, пытается правдиво рассказать о себе, не утаивая свои самые неприглядные поступки и непривлекательные черты. В понимании американского литературоведа Торренса Дуди, исповедником является «только тот, кто выслушает, аудитория говорящего» [4: 5]. Таким образом, «читатель написанной исповеди становится исповедником» [4: 4–5].

Основные положения этой части лекции на английском языке с цитатами на русском я раздаю студентам и прошу применить их к повествованию Позднышева. Затем я ссылаюсь на статью писателя и литературного критика Дж. М. Кутзее «Исповедь и двойные мысли: Толстой, Руссо, Достоевский», в которой данная повесть рассматривается как светская исповедь, направленная на выяснение исповедующимся правды о себе. Кутзее выделяет 3 так называемые правды,

раскрытые в повести: правда Позднышева в его понимании, другая правда о Позднышеве, т.е. анализ его действий, и правда Толстого, иными словами, идеи самого автора. Кутзее считает переломным моментом в жизни героя эпизод, когда он, убив из ревности жену, понял в тюрьме, что вся его жизнь была неправильной, как он сам говорит об этом: «...[У] меня открылись глаза, и я увидел все в другом свете. Все навыворот, все навыворот!..» [3: 196]. Данное переосмысление жизни приводит Позднышева к состоянию, когда истинно правдивая исповедь не только возможна, но и необходима для осмысления ошибок. Хотя факты «эпизода» известны суду, просветление героя заключается в том, что он открывает для себя заблуждения и ложь, в которой живет весь высший класс. Исследователь считает, что в этом раскрывается так называемая правда Позднышева. Пресыщение в еде и роскоши, отсутствие физической нагрузки были его нормальным состоянием до и во время помолвки. Медовый месяц оказался сплошным разочарованием в смысле половых и эмоциональных взаимоотношений молодоженов. Скрипач Трухачевский был допущен в семью под предлогом занятий музыкой с женой Позднышева. Хотя Позднышев улавливал все проявления физического влечения жены и скрипача друг к другу и сразу обратил внимание на «электрический ток» между ними, он из гордости не препятствовал их занятиям, поощряемым обществом. После концерта, на котором его жена сыграла с Трухачевским «Крейцерову сонату», Позднышев уехал из города по делам, но терзаемый ревностью вернулся домой и застал жену со скрипачом. Схватив висевший на стене кинжал, он хотел убить соперника, а когда тот убежал, смертельно ранил жену. В тюрьме раскаявшийся герой переживает моральный кризис и приходит к выводу, что если бы он знал тогда то, что знает теперь, то никогда бы не женился. Кутзее утверждает, что Позднышев только думает, что пришел к пониманию своих заблуждений и ошибок, но его «правда» не соответствует истине. Исследователь уверен, что «Крейцера соната» относится к одному из тех

произведений, «в которых говорящий верит сам себе, что говорит одну правду, в то время как перед нами медленно раскрывается, что рассказывается какая-то другая правда» [3: 196]. Среди других правд он выделяет правду Толстого в «Послесловии», которая заключается в том, что половые отношения вне брака неправильны, что люди должны трудиться и умеренно питаться, чтобы облегчить половое воздержание, что физическая любовь является животным состоянием, унижительным для человека, что следует отказаться от противозачаточных средств и половых отношений во время беременности женщины, что целомудрие предпочтительно даже в браке.

Одновременно Кутзее выделяет другую правду Позднышева. После свадьбы Позднышев чувствует себя не только разочарованным, но и обманутым, однако стыдится в этом признаться и поддерживает обман, как в случае, когда в Париже пошел в цирк посмотреть на бородатую женщину и при выходе рекомендовал другим тоже сходить и посмотреть, хотя ему представление не понравилось. Кутзее подчеркивает, что половая неудовлетворенность в отношениях с женой приводит Позднышева к постоянным мыслям об убийстве. Так, он многократно повторяет слово «убил», заявляет, что убил жену еще до ее физической смерти: «Это все я рассказываю вам, как я убил жену. На суде у меня спрашивают, чем, как я убил жену. Дурачье! Не понимают, что я убил ее тогда, ножом, пятого числа. Я не тогда убил ее, а гораздо раньше. Так точно, как они теперь убивают, все, все...» [1: 163].

Ревнуя к Трухачевскому, Позднышев все же предоставляет ему полную возможность «предложить свои услуги» жене. Перед убийством Позднышев повторяет себе, что тело жены принадлежит только ему: «Ведь ужасно было то, что я признавал за собой несомненное, полное право над ее телом, как будто это было мое тело...» [1: 200]. Кутзее прослеживает у Позднышева комплекс Эдипа как часть «другой правды» рассказчика, которую последний раскрывает подсознательно. Таким образом, Кутзее называет исповедь Позднышева иронической, т.е. испо-

ведующийся верит, что говорит правду, а в результате получается что-то совсем другое.

На семинаре студенты достаточно подробно знакомятся с работой Кутзее. Следует отметить, что применение психоанализа при изучении художественного произведения всегда вызывает у учащихся интерес, а выводы различных авторов, часто неожиданные и даже шокирующие, способствуют выработке у них критического отношения к литературным исследованиям.

Возвращаясь к вопросу, почему «Крейцера соната» была пересмотрена читателями после появления «Послесловия», я делаю вывод, что, воспринимая повесть как исповедь эксцентричного героя, которым является Позднышев, читатели скептически относятся к его высказываниям о женщинах, семье, браке и половых отношениях супругов. Когда мы читаем рассуждения неудачника в любви Позднышева: «Из страстей самая сильная, и злая, и упорная — половая, плотская любовь, и поэтому если уничтожатся страсти и последняя, самая сильная из них, плотская любовь, то пророчество исполнится, люди соединятся воедино...» [1: 157–158], — мы учитываем, что Позднышев, выражаясь его же словами, «попался», что с женой ему «говорить не о чем было». Однако когда читатели понимают, что рассуждения Позднышева выражают точку зрения самого автора, когда Лев Николаевич своей железной логикой, основываясь на прекрасном знании Библии, доказывает, что влечение мужчины и женщины друг к другу противоречит основным положениям христианства, что «христианского брака быть не может и никогда не было», что плотская любовь не вдохновляет, а разъединяет людей, то у читателей меняется отношение ко всему произведению в целом, как это случилось с А.П. Чеховым.

Современники Л.Н. Толстого в основном воспринимали «Крейцерову сонату» как повесть о супружеской неверности и лицемерном отношении общества к браку. Однако, преподавая русскую литературу XIX в., я всегда стараюсь связать ценности идей русских классиков с современностью. Меня интересует, что в XXI в. думают американские

студенты о супружеских отношениях и положении женщины в обществе. Толстовский герой заявляет, что супруги в браке живут как «два ненавидящих друг друга колодника». Актуально ли данное положение в современном обществе? Оказывается, многие студенты считают, что в Америке, несмотря на большое количество разводов, все еще много браков, напоминающих брак Позднышева, где муж и жена не любят друг друга. Вопрос о равноправии женщины также злободневен, а один из принципов феминизма, согласно которому взгляд на женщину как на объект унижен, прямо перекликается с убеждением Позднышева: «...освобождают

женщину, дают ей всякие права, равные мужчине, но продолжают смотреть на нее как на орудие наслаждения» [1: 166].

Анализируя любое произведение русских писателей, я, по мере возможности, стараюсь связать литературу с другими видами искусства, чаще всего с музыкой и живописью, ввести основные понятия теории литературы и изложить главные положения по крайней мере 2 литературоведческих статей с различными выводами и взглядами на произведение, чтобы заинтересовать американских студентов идеями русских классиков, их глубоким гуманизмом и актуальностью.

Литература

1. Толстой Л.Н. Крейцерова соната // Собр. соч.: В 20 т. М., 1964. Т. 12.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М., 1980. Т. 22.
3. Coetzee J.M. Confession and Double Thoughts: Tolstoy, Rousseau, Dostoevsky // Comparative Literature. Summer 1985. Vol. 37. № 3.
4. Doody Terrence. Confession and Community in the Novel. Louisiana State UP, 1980.
5. Foster Dennis A. Confession and Complicity in Narrative. Cambridge UP, 1987.
6. Spencer Stephen. The Making of a Poem. London, 1955.
7. Post S.G. Love, Religion, and Sexual Revolution // The Journal of Religion. 1992. Vol. 72. № 3.

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

НОВОСТИ

5–10 июня 2008 г. в Лондоне состоялся VI ежегодный Международный фестиваль русской поэзии и культуры «Пушкин в Британии». Главными событиями фестиваля стали VI Международный турнир поэтов русского зарубежья и II турнир короткого рассказа на русском языке, в которых соревновались 28 финалистов из 14 стран мира. Лондонская публика и жюри из Москвы выбрали из их числа Короля поэтов и Короля прозы русского зарубежья. Им вручили бронзовые статуэтки Пушкина работы скульптора Клима Степанова и денежные премии. В рамках фестиваля также был представлен новый проект «Пушкин в Британии, Шекспир в Москве: две аллеи великих поэтов», прошел международный круглый стол «Пушкин и Англия», была показана выставка из Государственного музея А.С. Пушкина «Пушкин и Западная Европа». По решению британского управления по разработке экзаменационных программ Edexcel вопрос о фестивале был включен в программу для сдачи школьных выпускных экзаменов A-levels.

По материалам РИА Новости

21 июня 2008 г. в Сянгане (Гонконг) впервые отмечался День русского языка, который был организован Центром русского языка, учрежденным православным братством апостолов Петра и Павла. В рамках мероприятия состоялись конкурс чтения стихотворений русских поэтов, конкурс на лучший очерк о России и конкурс детских рисунков. Собравшиеся отметили возрастающий интерес к изучению русского языка, отчасти продиктованный ростом деловых контактов между Россией и Сянганом.

По материалам РИА Новости